

В то же мгновение, как позади раздался громкий всплеск, Сукуна остановился. Он раздраженно обернулся, но на дорожке никого не было. На глади озера — тоже; лишь растревоженная вода ходила ходуном, а потревоженные брызги медленно оседали обратно.

Сукуна лишь покачал головой.

«На ровном месте умудрился в воду свалиться. Он что, трехлетний ребенок, за которым нужен глаз да глаз?»

Король проклятий вглядывался в темную гладь, но юноша так и не появлялся. Терпение Сукуны, и без того скудное, стремительно таяло.

— Эй, ходячее несчастье, — подал он голос. — Вылезай давай сам.

«Или решил покапризничать, разлегшись на дне?»

Озерная вода лениво колыбалась. В сгустившихся сумерках она казалась почти черной с болотным отливом. Лишь сверху сквозь листву пробивался блеклый лунный свет, так что видно было паршиво.

Харе почувствовал, как тело, налившееся нечеловеческой тяжестью, стремительно увлекает его на глубину. Озеро обожгло ледяным холодом, от которого мгновенно сковало мышцы.

От неожиданности он знатно хлебнул воды. Сквозь зыбкую толщу Харе смутно различал силуэт Сукуны, стоявшего у перголы с глициниями. В искаженных преломлением струях его фигура изгибалась и казалась еще более чудовищной.

Но «чудовище», безучастно глядя на пустую воду, лишь хмыкнуло спустя пару секунд.

— Мальчишка, эти дешевые фокусы на меня не действуют, — лениво закатил глаза Сукуна. — А ну живо на берег.

Стоило ему договорить, как озерная гладь забурлила. Харе вынырнул, судорожно хватая ртом воздух. Мокрые черные пряди облепили мертвенно-бледное лицо; он зашелся хриплым кашлем, от которого уголки его глаз мгновенно покраснели. В этот миг он походил на чистейший белый лотос, на лепестках которого внезапно проступила алая кровь — зрелище пугающее и манящее одновременно.

Кое-как переведя дух, он вскинул голову и в панике закричал:

— Сукуна! Быстрее, вытащи меня!

Харе дрожал от ужаса, но Сукуна лишь флегматично наблюдал за ним из-под раскидистых ветвей глицинии, скрестив руки на груди. В голову закралась циничная мысль: уж не ломает ли этот паршивец комедию, чтобы затащить его в воду?

Промокнуть до нитки Король проклятий не боялся, но паника на лице мальчишки забавляла его куда сильнее, чем сухая одежда.

Но Харе, видя чужое равнодушие, занервничал еще сильнее. От избытка чувств на глаза навернулись непрошеные слезы, а в севшем голосе зазвучали жалобные, плаксивые нотки:

— Да не стой ты столбом! Помоги! Я говорю тебе... со мной что-то не так... Господи, мне страшно! Я не чувствую собственных ног!

Тело налилось нечеловеческой, пугающей тяжестью. Все это было слишком странно и безумно пугающе.

Похоже, малец действительно не врал. Сукуна присел на корточки и протянул руку. В этот момент в глубине темных вод скользнула какая-то смазанная тень. Рыба? Или что-то другое?

Разглядеть он не успел: из воды что-то стремительно взметнулось вверх. Прежде чем Харе коснулся его ладони, это нечто влажно и крепко обвилось вокруг запястья Сукуны.

Сукуна скосил нижнюю пару глаз на свое предплечье. Его руку сжимал длинный, покрытый антрацитовой чешуей змеинный хвост.

Хвост сужался к кончику, становясь толще ближе к основанию, которое уходило глубоко под воду, растворяясь в чернильной бездне.

— Что это?! — Харе в ужасе уставился на воду круглыми глазами, его голос сорвался на дрожащий писк.

Он ведь только подумал о том, чтобы ухватиться за руку Сукуны, как этот хвост сам собой вынырнул из глубины — словно подчиняясь мысленному приказу. Более того, когда чешуйчатая плоть обвила мужское запястье, в сознании Харе отчетливо и жутко отозвалось тактильное ощущение этого объятия.

Пусть и всего на краткое мгновение.

Лицо юноши сделалось блее мела. В голову закралась дикая, пугающая догадка. Он растерянно переводил взгляд с хвоста на Сукуну и обратно.

Король проклятий разглядывал чешую своими дополнительными глазами, пока основные,

налитые багровым светом, медленно изучали лицо Харе. Наконец его губы изогнулись в предвкушающей, хищной улыбке.

— Ого... Кажется, это... твой хвост?

— Что?! — услышав подтверждение своих худших кошмаров, Харе едва не сорвался на визг.

Сукуна, забавляясь его паникой, отвечать не стал. Вместо этого он перешел к действиям.

Его нижняя левая рука мертвой хваткой вцепилась в чешуйчатый хвост, а верхняя правая подхватила самого Харе. Одним мощным рывком он рванул их из воды, и в ту же секунду на него навалилась ощутимая тяжесть.

Мальчишка, который должен был благополучно стоять рядом, мертвой хваткой вцепился руками в его шею. Мокрая белая рубашка облепила его тело, став прозрачной пленкой на подтянутом, безупречно сложенном торсе.

Вода хлынула с юноши ручьями, мгновенно промочив одежду Сукуны. Там, где у Харе раньше были ноги, теперь извивался массивный змеиный хвост.

Часть его безвольно покоилась на предплечье проклятия, тогда как остальная длина успела плотно обернуться вокруг его бедер и талии в несколько колец.

Ощувив кожей скользкую, потустороннюю прохладу пресмыкающегося, Сукуна опустил взгляд и утробно расхохотался:

— Надо же, и правда хвост!

Взглянув вниз, Харе издал истошный, полный ужаса вопль:

— А-а-а-а! Что это за хрень?! Где мои ноги?! Mamочки, какой кошмар! И... и куда делись мои штаны?!

Парень забился в истерике, выплескивая поток бессвязного бреда. Сукуна лишь слегка отклонил голову, морщась от визга, и с издевкой протянул:

— Получеловек-полузмея... По-моему, выглядит чертовски забавно. Ну-ка, открой рот и покажи язык. Интересно, он тоже раздвоился?

Его вкрадчивый, хриловатый баритон так и сквозил откровенным глумлением. Ему явно нравилось это зрелище.

Однако несчастный Харе был слишком напуган, чтобы обижаться. Не отводя полных слез лазурных глаз от воды, он разрыдался, роняя хрустальные капли прямо на грудь проклятия:

— Пожалуйста... забавник хренов... унеси меня от этого проклятого озера! Быстрее... умоляю...

В его голосе сквозила детская обида и неподдельный ужас. Шмыгая носом, он принялся испуганно лепетать:

— Вода! В этой чертовой воде точно какая-то зараза! Она меня изуродовала... Господи, это так мерзко... Уведи меня отсюда, поскорее!

Сукуна скептически покосился на темную гладь. Разумеется, озеро было самым обычным и превращать людей в гадов не умело. Причина крылась в чем-то другом.

Тем не менее, когда этот обычно колючий мальчишка, весь размякший и дрожащий, висел на нем и ревел навзрыд, Сукуна ловил себя на странном порыве сделать так, как тот просит. И он пошел прочь от берега.

Не успели они сделать и десятка шагов, как Харе встрепенулся:

— Стой! Моя книга... и штаны! Там в кармане телефон! Вылови их, пожалуйста, они мне очень нужны!

«А если я сейчас приду в себя, в чем мне ходить?» — панически забилося в голове. Да и «Руководство для заклятых врагов» бросать не хотелось, он ведь только начал читать.

Сукуна раздраженно выдохнул. Ему безумно хотелось швырнуть обнаглевшего наглеца обратно в воду, но кольца хвоста сжимали его мертвой хваткой — просто так не сбросишь.

«...»

В итоге могучему проклятию пришлось развернуться и, прижимая к себе хнычущую «русалку», выуживать мокрые тряпки из воды. Невиданная для него щедрость и терпение.

Кое-как перехватив мокрые вещи, Харе прижал их к груди и снова запричитал, требуя поскорее убраться подальше от гиблого места.

— Заткнись. Еще один звук — и полетишь обратно на корм рыбам, — процедил Сукуна.

Харе мгновенно притих, зажав рот ладонью.

Миновав раскидистую галерею увядающих глициний, Сукуна остановился на развилке. Оглядевшись, он свернул на узкую, скрытую от чужих глаз тропинку, густо заросшую мягкой травой.

Нежные лиловые лепестки осыпались на мокрые плечи и ключицы юноши. Он лениво смахивал их ладонью, но ветер тут же приносил новые.

Мало-помалу отвлекшись, Харе перестал плакать. Но страх никуда не делся: его змеиная половина судорожно сжималась вокруг торса Сукуны все сильнее и сильнее.

При каждом шаге проклятый ощущал плотное, скользящее трение чешуи. Что еще хуже — хвост обвивал основание его бедер, отчего внизу живота стало скапливаться тяжелое, темное тепло.

Остановившись на уединенной поляне далеко от злополучного берега, Сукуна глухо скомандовал:

— Сползай.

— Ну ладно... — без особой охоты протянул Харе. Ему было попросту жутко смотреть на то, во что превратилась нижняя половина его тела.

Он медленно разжал пальцы на шее проклятия, но, вопреки ожиданиям, не рухнул на землю. Сильные кольца хвоста удержали его тело на весу, так что он остался сидеть, зависнув прямо перед лицом Сукуны.

— Ну... видишь, я отпустил, — виновато развел он руками.

Сукуна выразительно опустил взгляд на кольца, сдавливающие его бедра:

— А с этим что делать будем?

Харе лишь глупо моргнул.

— Звучит дико, но... я его вообще не чувствую.

Ощущение присутствия хвоста пропало почти сразу после того, как он обвился вокруг руки Сукуны на берегу. Теперь вся нижняя часть тела казалась чужой и онемевшей.

Сукуна бесцеремонно сжал массивное кольцо хвоста у себя на поясе:

— Даже так?

— Вообще ничего, — вздохнул парень, понутив голову. В глазах снова отразилась неподдельная тоска. — И что теперь делать? Как мне в таком виде возвращаться в Техническую школу магии?..

Сукуна лишь презрительно фыркнул. Сдалась ему эта Техническая школа магии. Сторище святош и глупцов, где вздохнуть свободно не дают.

Он силой размотал упругие кольца и сбросил их с себя. Но юноша не упал, продолжая удерживать вертикальное положение. Длинный чешуйчатый хвост черной лентой раскинулся по траве, изгибаясь причудливыми волнами. Пейзаж выглядел невероятно сюрреалистично.

Отложив мокрые вещи на траву, Харе дрожащими пальцами выудил из кармана мобильник. Страхнув воду, он мысленно взмолился всем богам японского пантеона и робко нажал на кнопку включения.

Экран слабо мигнул и загорелся мягким светом. Харе шумно выдохнул:

— Господи, работает! Не соврал продавец про водонепроницаемость!

Сукуна безучастно наблюдал за тем, как мальчишка возится со своей светящейся игрушкой, пока тот не убрал ее и не принялся расстегивать пуговицы на рубашке.

Промокшая насквозь ткань стала практически прозрачной. Под ней явственно просвечивала бледная кожа с легким розоватым оттенком на сосках и рельефе юношеских мышц. Одежда на нем сейчас была чистой условностью.

Взгляд Сукуны медленно скользил вслед за его пальцами, стаскивающими мокрую ткань. Харе принялся выжимать рубашку, обиженно бормоча себе под нос:

— Всё, больше близко к воде не подойду. Никаких колодцев, никаких озер... Говорят, среди магов есть предсказатели судьбы. Может, мне стоит сходить к какому-нибудь медиуму? В последнее время я прямо притягиваю неприятности...

От обиды его щеки смешно надулись. Обнажив торс, Харе невольно выставил напоказ плавные, изящные изгибы своего тела.

Теперь Сукуна мог во всех деталях рассмотреть это удивительное превращение.

Чуть ниже пупка кожа плавно сменялась мелкой, едва заметной чешуей. Чем ниже, тем плотнее и темнее становился этот покров. Очерчивая четкие линии паховых впадин,

человеческое тело без единого шва переходило в массивный змеиный хвост. Словно юноша был рожден таким.

Сильное, сужающееся книзу змеиное тело частично упиралось в мягкий дерн, удерживая равновесие, в то время как остальная его часть лежала кольцами на траве.

В этой получеловеческой, полузмеиной ипостаси Харе выглядел завораживающе красиво — порочно и дико. Сукуна почувствовал, как в местах, которых только что касался холодный хвост, запульсировало горячее возбуждение. Кровь в его жилах побежала быстрее.

Кожа на спине и боках мальчишки, некогда сплошь покрытая следами его зубов и когтей, сейчас сияла девственной чистотой, словно безупречный белый нефрит. В груди проклятия шевельнулось темное, первобытное желание осквернить эту чистоту, заставить эту послушную плоть извиваться и дрожать в мольбе о пощаде.

А желания Сукуна привык исполнять немедленно.

Он прищурился, хищно оценивая изгибы чужого тела, точно выбирал, куда вонзить клыки в первую очередь.

Харе замер, так и не выкрутив рубашку до конца. Он кожей ощутил этот обжигающий, откровенно плотоядный взгляд алых глаз Короля проклятий.

Инстинкты вопили, что нужно бежать. Но вместо послушных ног позади него лежал неповоротливый змеиный хвост.

Попытавшись отползти назад, Харе лишь неловко дернул глянцевым чешуйчатым хвостом. Тот послушно изогнулся, но вместо того чтобы убрать парня с линии атаки, просто развернул его спиной к Сукуне, подставив незащищенные лопатки и поясницу под удар.

Харе удрученно вздохнул.

«М-да. Захоти он меня прикончить, я бы уже раз десять сдох».

Уткнувшись взглядом в чешую на бедре, он недовольно прошептал своему новому «приобретению»:

— К дереву ползи, дурак чешуйчатый, а не крутись на месте!

Он предпринял новую попытку сдвинуться, но чем сильнее он концентрировался на движении, тем хуже выходило. В итоге Харе просто запутался в собственных кольцах, потерял равновесие и с глухим стуком повалился на траву. Хвост безвольно спеленал его тело.

— Да чтоб тебя... — прохрипел он, увязая в чешуйчатых объятиях. — Терпеть не могу змей!

Сукуна с ленцой наблюдал за этой неравной борьбой. Когда мальчишка окончательно застрял, проклятие неторопливо подошло ближе. Услышав его жалобу, он весело хмыкнул:

— Хочешь, я его тебе отрублю?

От этих слов хвост под ладонью Харе мгновенно ошетинился вставшей дыбом чешуей.

— Не стоит... — поспешно буркнул парень. — К чему такой радикализм?

«А вдруг после этого ноги вообще не вернутся?»

— Как знаешь, — усмехнулся Сукуна. Однако стоило его взгляду скользнуть по плечу юноши, как он резко посерьезнел. — Тихо. Лежи смирно.

Отодвинув в сторону тяжелое кольцо хвоста, он обнаружил на бледной лопатке Харе витиеватую черную татуировку — извилистый узор, напоминающий затаившуюся змею.

Харе, однако, умудрился истолковать эту команду по-своему. Хриплый, завораживающий голос Сукуны всегда звучал для него двусмысленно и непристойно. Каждое движение этого чудовища сочилось животной грацией, заставляя парня то и дело вспоминать пошлые фантазии.

Услышав приказ лежать смирно, Харе невольно напрягся. В голове тут же зароились панические мысли о том, что следующей фразой этого озабоченного монстра будет что-то в духе «прогнись пониже» или «раздвинь ноги».

Вспомнив, какие грязные намеки Сукуна отпускал в прошлом по поводу своих пальцев, Харе упрямо набычился и попытался приподняться, упираясь ладонями в землю.

Но не успел он сделать и движения, как тяжелая мужская ладонь легла ему на позвоночник, бесцеремонно вжимая обратно в траву.

Пока Сукуна внимательно разглядывал узор, Харе изо всех сил пытался прогнать из головы пошлые образы.

— Да что там такое? — недовольно буркнул он в землю. — Что у меня на спине?

В его голосе скользила нешуточная тревога.

Сукуна медленно провел подушечкой пальца по темным линиям на коже. Его плечи вздрогнули от тихого смеха.

— Послушай... Когда ты держал в руках ту оторванную башку проклятия, ты совсем не смотрел на его глаза?

— А? — Харе растерялся. Он попытался восстановить в памяти события боя. — Ну... видел. Голова была сильно изувечена, но я сразу заметил, что в глазнице застрял проклятый объект. А при чем тут моя спина?

Тот предмет был создан его собственной темной половиной, «Злым началом». Во время инцидента в деревне он уже поглощал подобную субстанцию, и тогда никаких побочных эффектов не последовало. Естественно, он и подумать не мог о подобной связи.

Сукуна убрал руку со спины парня, перевернул его на бок и заглянул в лицо. Согнутым указательным пальцем он осторожно коснулся его длинных ресниц.

— Вертикальные зрачки, плотная чешуя... Малыш, неужели ты не понял, что это был проклятый дух змеиноного типа?

— Чего? — Харе зажмурился от щекотного прикосновения к веку. Приоткрыв один глаз, он с недоумением уставился на мужчину. Судя по выражению его лица, такие тонкости биологии проклятий совершенно прошли мимо него.

Сукуна склонился к самому его уху. Внимательно вглядываясь в расширившийся лазурный зрачок, он тихо прошептал:

— По меркам твоих дружков из Технической школы магии, эта тварь тянула на особый ранг. К тому же ее подпитывала сила проклятого объекта. По логике вещей, она должна была сожрать всех мелких духов, что сбежались на запах. Но вместо этого ее саму растерзали, оставив лишь половину черепа. Как думаешь, почему?

<http://bllate.org/book/19043/1964047>